

Г.А. Бондарев

От антиутопии к реальному апокалипсису

Предисловие к сказке-утопии "Рай земной или сон в зимнюю ночь" К. С. Мережковского

Сказка - ложь,
Да в ней намек -
Добрым молодцам урок.
А.С.Пушкин

Девятого мая 1916 года в Берлине Рудольф Штайнер прочитал лекцию, в которой рассказал об одном малоизвестном историческом событии - об учреждении иезуитами в 1610 году в Парагвае своего государства, просуществовавшего более 150 лет.

Знакомясь более подробно с этим историческим фактом, получаешь впечатление, что именно там впервые прошел, говоря современным языком, стадию своей экспериментальной, "лабораторной", отработки тип того общественного устройства, которое было навязано России после большевистского переворота в 1917 году. Поэтому когда говорят, что в России в 1917 г. был начат "социалистический эксперимент", то в подобное утверждение (оно вошло в политической обиход лишь в последние годы, а раньше говорили только об "исторической необходимости") можно внести весьма существенную поправку, если вникнуть в значительно более глубокий, тайный смысл событий, перевернувших в XX веке жизнь мира вверх дном.

В действительности, пусть в иных условиях, на ином этническом материале, с помощью иной идеологии, но еще в XVII веке был опытно отработан метод государственного, структурированного манипулирования массами, который в наш век обрел форму большевистской модели социализма.

По прошествии более чем семидесяти лет, в течение которых модель широко внедрялась почти во всех регионах мира, она обросла новым, соответствующим нашему времени, опытом и теперь, опираясь на него, стремится метаморфизироваться в нечто иное, более приспособленное к условиям уже XXI века.

Дискретное, релятивистское социально-политическое мышление, господствующее в мире, а в годы перестройки охватившее и Россию, начисто лишает возможности разглядеть и постичь глубинную преемственность таких общественно-политических формаций, в которых наравне с естественными социальными, экономическими, духовными закономерностями развития на протяжении уже столетий все возрастающую роль начинают играть воля и произвол отдельных

человеческих групп, противопоставляющих свой групповой эгоизм интересам всего человечества, что во все убыстряющемся темпе подвигает цивилизацию к закату, к катастрофе. По этому в социальном мышлении особую актуальность приобретает обращение к определенным истокам, чтобы, во-первых, не приходилось искать первопричины там, где человечество просто обречено пожинать одни только следствия, порой крайне горестные, а во-вторых, чтобы следствия эти стали, наконец, хорошим уроком и предостережением людям, склонным дремать, когда в мире формируются новые причины, которые обусловят трагедию их дальнейшей судьбы.

"Сказка-утопия" К.С.Мережковского "Земной рай" заслуживает пристального внимания именно благодаря тому, что ярко, впечатляюще иллюстрирует тот род истоков, на которые указывает Рудольф Штайнер в своей упомянутой выше лекции. В сказке показано, что истоки эти, будучи во времени разделены тремя столетиями - мы имеем в виду 1610 год и начало XX века,¹ - образуют нераздельное единство и продолжают сотрясать мир по сию пору, грозя и впредь длить свое недолжное существование.

Утопию Мережковского было бы вернее причислить к жанру антиутопии, который своим возникновением обязан только XX веку. В чем состоит различие между утопией и антиутопией? Первая (ее название происходит от греческого *и* - не, нет и *тоpos* - место; то есть место, которого нет) представляет собой, если не стремиться выражаться замысловато, некое социальное мечтание, предаваться которому получает склонность человеческий дух, индивидуализирующийся за счет выработки мыслящего в понятиях, а не в образах (что было свойственно групповому сознанию древних народов), сознания; его образность (поскольку речь идет о мечтании) оказывается в таком случае насквозь проработанной *рассудочностью*.

Как об этом обстоятельно говорится в Антропософии Рудольфа Штайнера, мыслить в понятиях человек начал довольно поздно, в IV - III вв. до Р.Х., когда родилась греческая философия. До того люди пребывали в некоего рода грезящем, полусновидческом состоянии сознания, где их созерцанию приоткрывались существа и события сверхчувственного мира. Человек тогда жил в тесном взаимодействии, созвучии, гармонии с ними, а следовательно - и с законами природы. Начав мыслить в понятиях, человек утратил связь со сверхчувственным, стал духовно беднее, но зато автономнее, самостоятельнее. Его мыслящий дух как бы образовал природу в природе, обладающую собственными законами существования и развития. О том же, что законы его индивидуального развития не противоречат законам остальной природы, а образуют их высшую ступень, - над познанием этого факта человек напряженно работает по сей день, и далеко не всегда успешно.

Начав абстрактно мыслить, человек познал законы самого мышления, которые Аристотель описал в созданной им науке логики. Но, автономизируясь благодаря мышлению, человек и в социальных отношениях начал переживать себя по-

другому. Он уже не мог мотивы своей деятельности целиком почерпнуть, как прежде, в храме божества, являвшегося персонифицированным выражением группового сознания обитателей греческого города-полиса. Так сказать, полисная" форма самосознания, остатки которой сохранились еще и в средневековых городах Европы, стала приходить в противоречие с эмансипирующейся личностью. Человек обнаружил, что он способен обдумывать социальное устройство и менять его структуру на разумных, а не богоданных началах. Так возник общественно-политический плюрализм эллинизма, также описанный Аристотелем в его "Политике".

Греки также обнаружили, что на практике осуществимо далеко не все из того, что способно в социальной сфере выработать, обдумать мыслящее сознание. Модель идеального, но не осуществимого - поскольку оно построено лишь на законах, действующих в мышлении - государства описал Платон в своем обширном трактате "О государстве". Это, по сути, первое произведение, написанное в жанре утопии. Потом была длительная пауза, и только начиная с XVI века утопическое мышление возрождается вновь, получает большой размах и порой даже доминирующее общественное звучание. Появляется целая плеяда писателей, пытающихся в литературной форме дать описание образцового общественного строя, умозрительно предвосхитить социальное будущее.

Обращает на себя внимание преобладание англичан в среде утопически мыслящих писателей. Первый из них - Томас Мор (1478- 1535), введший в литературный обиход само слово "утопия", затем идут: Фрэнсис Бэкон с его "Новой Атлантидой", в которой он дал проект государственной организации науки ("Дом Соломона"), по служивший, как считают, прообразом при создании французской и других академий наук; Джон Харингтон, автор изданной в 1656 г. "Республики Океании". Уже в новейшее время в этом ряду встают: Г.К.Честертон, Г.Уэллс, О.Хаксли, Э.Бёрджесс, Ч.Льюис, У.Голдинг, Джордж Орвелл, о котором нужно говорить особо, и многие другие.

Подобный факт имеет свое объяснение - в нем нашла свое выражение большая культурно-историческая закономерность. Дело в том, что земная история и культура являются не случайными и изолированными во Вселенной феноменами, а испытывают постоянное, в одни эпохи большее, в другие меньшее влияние духовного Космоса, зависят от космических констелляций Земли и Солнечной системы в целом в мире Макрокосма (в подробности этого вопроса мы вдаваться не будем). В силу одной из таких констелляций, в XV веке на Земле началась новая культурная эпоха (эпоха Рыб), в которой всеопределяющее значение имеет развитие высшего члена человеческой души - души сознательной. Особенность этой части трехчленной по своей природе души состоит в том, что, овладевая ею, человек получает полное господство над проявлениями трех главных ингредиентов своей индивидуальной жизни: мысли, чувства и воли. Он, иными словами, становится Я-существом, эмансипирующимся от всех групповых связей (кровных, расовых, национальных, родственных, сословных, идеологических), что, поистине, делает его гражданином мира.

Предшествующая нашей, греко-латинская культурная эпоха возводилась силами души рассудочной; в еще более раннюю, древне-египетскую, эпоху человек впервые приступил к выработке индивидуальной души, и то была душа ощущающая. Современный человек имеет задачу развить, облагородить в себе все. так сказать, три души, привести их к гармоническому единству, став в полной мере Я-человеком. Для этого ему необходимы: опыт восприятий чувств, жизнь своих желаний, инстинктов, вожделений, узкий эгоизм - а именно все это составляет первоначальные, врожденные и унаследованные ингредиенты души ощущающей - облагородить эстетически, пронизать нравственным вкусом и тактом, а прямой эгоизм сделать косвенным, то есть, преследуя собственные цели, стараться служить другим.

В душе рассудочной человек опирается на нормативную мораль, заповедь, закон, логическое мышление и на опыт индивидуализированных чувств, таких как симпатии, честолубие, смирение, гнев, гордость и т.п. Задачу развития здесь составляет претворение негативных чувств в их позитивные соответствия.

Указанная работа в сфере души ощущающей и рассудочной делает человека нравственно все более автономным, в нем все больше господство обретает совесть, и тогда он делается способен решать свою современную задачу - развивать душу сознательную, в которой рождаются мотивы такой деятельности (если в ней искореняется все инстинктивное), где человек мировые интересы, интересы человечества переживает как свои собственные.

В силу преемственности культурных импульсов англосаксонская раса имеет особые задатки к выработке души сознательной; они там в некоторой мере оказываются врожденными, корнящимися отчасти даже в сфере инстинктов. Вот почему, как говорит Рудольф Штайнер, британская политика (а теперь англо-американская) всегда будет стремиться играть мировую роль, стремиться быть в мире всеопределяющей, хотя ей всегда будет недоставать правосознания. А поскольку душа сознательная проявляется в английских политиках, а также и в мыслителях с долей инстинкта, то есть не требует от них особой, серьезной работы над собой, то вся духовная жизнь англосаксонского мира оказалась в плену у голого эмпиризма, встала на материалистическую основу.

Вот почему в первую очередь англоязычным авторам оказывается так близко, во-первых, мыслить о мире в целом, о его возможном переустройстве: будь то рациональном или иррациональном. - а во-вторых. - в размышлениях о целом мире оставаться всецело на позициях материализма.

Иным был утопизм Платона, доминирующую роль в котором играло учение о реалиях интеллигентного мира. В утопии итальянца Томмазо Кампанеллы "Город Солнца" все построено на магии числа, а в развитии наук в его идеальной коммунистической общине основную роль играет "магическое знание". Религиозными мотивами наполнена утопия J. V. Andreae "Христианополис" (Republica Christianopolitanae descriptio. 1619).

Однако вес доминирующее в мире утопии - англосаксонское по происхождению или испытывавшее на себе влияние английского утопического мышления, где все построено на техницизме, индуктивной логике и эмпиризме, а также материализме. И именно таким был французский утопический социализм Сен-Симона, Фурье и др., а затем - марксизм.

По мере развития утопических социально-экономических конструкций начинают возникать попытки осуществить их на практике. Так, английский утопический социалист Роберт Оуэн, болезненно переживавший бедственное положение рабочих в условиях капиталистического машинного производства, вызванного к жизни промышленным переворотом, занялся созданием в Англии и США коммунистических колоний в соответствии с идеалами своего учения. Заметные черты утопизма несло на себе и учреждение Соединенных Штатов Америки.

* * *

Характеризуя утопические проекты в целом, следует сказать, что они, как правило, являются плодами ума единичных мыслителей, особенно остро чувствующих несовершенства общественных отношений своего времени и пытающихся выйти за пределы господствующих представлений, предугадать более совершенное будущее состояние человеческого общества, чтобы хотя бы отдельные его черты внести в настоящее и тем ускорить всеобщий прогресс. Мыслители-утописты всегда являются эволюционистами; они работают на сопряжении социально-экономических, научно-технических и, непременно, этических проблем.

Когда в современных энциклопедиях сочинения утопистов характеризуют как содержащие нереальные планы социальных преобразований, то без особых оговорок с таким утверждением согласиться нельзя. Взять, например, марксизм. Как учение он был совершенной утопией, однако на его основе была переделана едва ли не половина мира: и множество людей по сей день настаивает на том, что популярность марксистских идей диктуется "исторической необходимостью", "объективными законами развития". Поэтому нужно спросить себя, что в утопическом мышлении следует понимать под реальностью и нереальностью. В первую очередь, очевидно, - соответствие или несоответствие утопических теорий, проектов законам развития, которые объективны на самом деле, а не только по мнению марксистов. Тут сразу же следует заметить, что если эти законы понимаются только материалистически, то всякое социальное и экономическое мышление в таком случае уже изначально обрекается на утопизм. А поскольку оно во главу угла ставит проблему добра и зла, проблему справедливости, то, оставаясь материалистическим, оно начинает нести в себе угрозу общественной жизни.

Так человеческое развитие наталкивается на гигантское противоречие. С одной стороны, в силу объективных законов развития, человек приходит к состоянию, в котором, опираясь на мыслящее сознание, носящее лишь теневой, абстрактный характер, он вправе во всех своих земных делах полагаться на самого себя, из себя

рождать целеполагание, задавать направление своей судьбе, то есть в широкой сфере взять на себя прерогативы провидения, божественного водительства. С другой стороны, действия мыслящего человека не должны приходить в противоречие с объективными законами развития, которые были и остаются чувственно-сверхчувственной природы.

Из возникшего противоречия существует два выхода. Один из них, правомерный, состоит в том, чтобы познание мира и человека сделать и естественным и духовным, расширить природопознание до духопознания. Именно этим занимается Антропософия. Поэтому идеи Рудольфа Штайнера о социальной трехчленности совершенно лишены какой-либо утопичности.

Другой "выход" состоит в том, чтобы чувственную реальность утвердить как единственную, а ее законы, не более не менее, как навязать Божественному миру. Неважно, насколько понимают те или иные творцы утопического материализма всю устрашающую, метафизическую, сокрушительную грандиозность его замыслов, - на деле они служат их осуществлению.

Человеку просто не дано исключить духовное начало в мире, не исключая тем самым свое собственное будущее. Он может лишь переориентироваться с мира высоких божественных сил, вызвавших человеческую свободу и показывающих, куда она ведет, в чем состоит ее высшая этика, на мир темных, инфернальных, враждебных индивидуальному человеческому духу сил, роль которых в истории также велика.

И тут мы подходим к моменту, где утопия перерождается в антиутопию. Классический утопист - он по своей сути футуролог. На основе данного опыта он пытается условно, мысленно, "проиграть" различные модели его возможных модификаций, чтобы таким путем, порой за счет гипертрофии определенных тенденций, выявить полезные и вредные, но закономерно проявляющиеся элементы общественного бытия, чтобы постепенно совершенствовать его.

Антиутопии возникают как проекты переустройства мира, в которых искажаются - за счет их односторонней абсолютизации - сами законы развития. Поэтому антиутопии действительно содержат в себе нереальные планы социальных преобразований. И что бы их осуществлять, нужно прилагать особые, *групповые* усилия.

В XX веке утопического мышления, как такового, больше нет. Существуют довольно строгая, формализованная наука футурология и антиутопические, уже осуществляющиеся или планируемые, проекты. А антиутопический роман является часто (но не всегда) предостережением, в нем автор пытается угадать гибельные последствия антиутопических проектов, за которыми, как правило, стоит заговор.

Мережковский с гениальной простотой, открыто ставит эту проблему. Поскольку добровольно, пишет он, на те перемены, которые хотят вызвать в мире лишь

немногие - объединенные групповым эгоизмом. - человечество не пойдет, то становится необходимым заговор тех немногих, сплоченных единой целью и потому способных принудить к преобразованиям пассивное большинство, скрыв от него конечные цели антиутопии.

В мире сейчас много спорят о том, стоял ли заговор в основе французской революции, двух революций в России, в основе двух мировых войн. А спорить тут, фактически, не о чем, поскольку мы имеем дело с некой закономерностью. Она состоит в том, что материалистическое социальное мышление, когда оно берется за переустройство мира, за ускорение или за замедление прогресса, - антиутопично. И оно имплицитно безнравственно, поскольку отрывает человека от реального духа и *ведет к господству малых групп над массами или даже над всем человечеством.* Без заговора такого достичь нельзя.

Поэтому новейшие проекты типа объединенной Европы, "нового мирового порядка", римского экуменизма, смешения рас и т. д. - антиутопичны со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Опыт последних столетий дает богатый иллюстративный материал, делающий убедительной нашу мысль. В XX веке антиутопизм, как намерение не только мыслить, но и действовать, стал частью социологии, включил в себя футурологию и сделался реальной угрозой личности, совершая необратимое насилие над действительностью. "Утопии выглядят, - писал Н.А.Бердяев, - гораздо более осуществимыми, чем в это верили прежде. И ныне перед нами стоит вопрос, терзающий нас совсем иначе: *как избежать их окончательного осуществления ?*"

Ответ на поставленный Бердяевым вопрос дает Антропософия своим учением о социальной трехчленности. Но ее ответа не принимают. Предпочитают искать решения в метании из одной крайности в другую. Так, американский философ и социолог L. Mumford, в целом справедливо заметивший, что назначение утопий начинается состоять в том, чтобы направлять общественное развитие в русло уже *"уготованного будущего"*, чтобы заставить людей примириться с ним как с неизбежностью, обусловленной уже не законами развития (к чему еще апеллирует марксизм), а *"технологическим императивом"*, - выход из опасного тупика видит в *остановке научно-технического прогресса*, вызывающего разрыв между уровнями технологии и нравственностью, и в возвращении к общественным добродетелям средневековья, "золотого", по его мнению, века человечества.

Так размышлял Мэмфорд в середине нашего столетия, а так же позже, уже имея за плечами готовый "реализованного кошмара" утопий, когда Джордж Орвелл уже написал свой "1984". И достойна тем большего удивления позиция русского утописта Мережковского (человека XIX века), предвосхитившего взгляды позднего Мэмфорда еще в 1903 г.. когда тому было всего восемь лет (Мэмфорд родился в 1895 г.).

* * *

Однако вернемся еще раз к лекции Рудольфа Штайнера, с которой мы начали наше, скажем, предуведомление читателя. В ней рассказывается, что в том, сравнительно далеком от нас. прошлом, в XVII в., в Парагвае дело обстояло так. Явившись сразу в большом количестве в ту далекую и дику страну, иезуиты водными путями отправились к се обитателям - индейцам племени гуарани. Повсюду на своем пути они пели и играли красивую музыку. "А в музыкальный элемент они примешивали кое-что из того, о чем хорошо знали благодаря своей практике (следует понимать - и оккультной, и социальной). И все это распространялось на волнах звуков, имея отношение к культу, к таинству. В результате индейцы сами приходили к ним, приходили большими толпами; и вскоре патеры собрали в различных местах значительные массы людей, смогли основать поселения на свой лад и объединить их в некий род государства, пронизав его своей организацией... (Государство) управлялось иезуитами, а в остальном состояло из диких индейцев".

Действуя своими специфическими методами, основанными на различных видах суггестивного влияния на человеческую волю, иезуиты в сравнительно короткий срок сумели обучить индейцев различным распространенным в Европе ремеслам, военному делу, куда входило обращение с огнестрельным оружием. Из индейцев была создана армия, и в ней даже некоторые офицеры были индейцами.

Главное в созданном иезуитами государстве состояло в том, что абсолютно все было строго регламентировано, и регламентировано культово. "Время было поделено так. - рассказывает Рудольф Штайнер. - что каждое человеческое действие было упорядочено ударом церковного колокола". Поэтому церквей, разумеется, строили много. Некоторые из них были прямо-таки циклопических размеров. Например, церковь св. Ксаверия могла вместить в себя до 4-5 тысяч человек.

Итак, церкви регулировали всю нецерковную жизнь. Все начиналось и кончалось ударом колокола. "Утром, например, не было такого, чтобы человек, проснувшись, умылся и пошел работать в поле. Нет, сначала звучал церковный колокол. Человек знал: день начался. Все поднимались и собирались на деревенской площади. Там их встречала музыка. Посередине площади стояло изображение либо пресвятой Девы, либо какого-нибудь другого святого, о котором иезуит-патер или иезуит-викарий уже привил индейцам кое-какое знание. Начинался некий род богослужения. В молитве люди взирали на небо. Затем совершался совместный ход; впереди процессии несли изображение святого или пресвятой Девы. Так люди отправлялись в поле и там работали. По окончании работы снова брали святого или пресвятую Деву и возвращались на деревенскую площадь. Там под звон церковных колоколов людей распускали. Все было пронизано культом, во все были примешаны символические действия, и даже работа в поле производилась в сопровождении культового действия, для которого специально готовились иезуиты-патеры. Все было насквозь пронизано культовым действием".

Патеры абсолютно все держали в своих руках. Индейцы работа ли на них по четыре дня в неделю, создавая таким образом огромные богатства, с помощью которых иезуиты могли действовать в других частях света. Жили они отдельно от индейцев, и те могли их видеть лишь в золоченых облачениях, среди культовых воскурений, а потому почитали как едва ли не полубожественных существ.

Рядовой читатель, уже успевший испытать на себе и осознать порабащающее действие "интеллектуального империализма" технократической культуры, безличной "Мегамашины", может быть, ничего плохого в том культовом устроении жизни не найдет. А будучи человеком благочестивым, он даже скажет, что на фоне тотального обезвоживания мира, бесчеловечной эксплуатации, отчуждения, тот, учрежденный иезуитами, религиозно-социальный строй заслуживает серьезного изучения и повторения в наших условиях. По крайней мерс, в современной России такие взгляды проявляют ся уже как часть государственной политики, в особенности в рядах определенного рода оппозиции.

Но дело обстоит в том, что такой строй уже был воспроизведен. Он был воспроизведен в странах так называемого социалистического лагеря. Его не распознали только потому, что он опирался не на христианскую идеологию. Однако существенно ли в данном случае вообще говорить о Христианстве?

"Если Христианство понимать так, как ему учит современное богословие, если в Христианстве исключить *примат индивидуального над групповым*, что составляет ядро, суть истинного Христианства, то мы с неизбежностью должны принять вывод, что между марксизмом и теологией существуют лишь терминологические различия, что главным в них является достигаемый социально-психологический эффект: тотальная регламентация личности и стушевывание ее перед групповым интересом, групповым сознанием. Этот эффект в обоих случаях может быть совершенно одинаков.

Обыденное сознание, когда оно замечает подобные совпадения, находит их парадоксальными. Ибо внутренние закономерности таких, оккультных по сути, социальных экспериментов без помощи Духовной науки, Антропософии, не понять. Те, кто их проводит, хорошо знают, чего хотят. Но свои подопытные социумы они с самого начала ставят в условия, исключающие понимание смысла происходящего, который сводится к тому, что единая идеология, строится ли она на библейском предании, на Коране или атеизме, подается в форме насильственно подчиняющего своим догматам вероучения. Его основополагающий довод строится на том, что индивидуальное начало в человеке, якобы, тождественно его низшей, эгоистической природе, неразвитой душе ощущающей, которая в совместную жизнь людей вносит лишь разрушительные импульсы, ведущие, в конце концов, к войне "всех против всех", поэтому человеку нужно брать под контроль.

Приняв такое понимание личности за аксиому, уже не составляет труда обосновать рациональную этику коллективизма, подкрепив ее задачами расового выживания и

проч. Индивидуум, согласно ей, может достойно послужить себе, лишь служа коллективу. - Принцип, по сути говоря, глубоко христианский. Но, *настаивая* на его осуществлении, его делают принудительным, а кроме того, совершают в нем существенную подмену, превращающую его в антихристианский принцип, когда говорят, что то, как можно послужить коллективу, определяет коллектив и только коллектив, а не личность.

Личность объявляется изначально, генетически порочной: в одном случае - по причине грехопадения, в другом - в силу происхождения от животного, где преобладающую роль играют инстинкты. Будучи существом самосознающим и этическим, человек подвергается регламентации как продукт общественных отношений; более того, если не в теории, то на практике его общественное воспитание порой строится даже на принципе: человек есть то что он ест. Так обстояло, например, с перевоспитанием немцев согласно плану Маршалла. Вот таким образом приходят к общему знаменателю внешне, казалось бы, совершенно не похожие один на другой феномены, такие как теология, марксизм-ленинизм и панамериканизм. У них у всех имеется глубинное единство. Оно - метафизической природы и имеет дело с прямым воздействием на человеческую волю и на подсознание.

Чтобы, действуя по такому методу, иметь успех, необходимо объект воздействия соответствующим образом препарировать. Вот почему повсюду в мире ширятся культовость, обрядность, ритуальность, а там, где им противятся, прибегают к войнам, хаосу и голоду.

Современный человек поставлен в условия, при которых он либо найдет в себе желание и смелость овладевать познанием сверхчувственных миров, что позволит ему понять иносказательный смысл внешне происходящего в мире, либо он и впредь останется бессознательной жертвой социальных, психологических, а теперь уже и евгенических и генетических манипуляций. Третьего ему, поистине, не дано. Давно и безвозвратно миновали времена, когда в жизни можно было, так сказать, "отсидеться", вести "частную жизнь".

Человек, хочет он знать о том или нет, есть *микрокосм* - малое воспроизведение Вселенной. Духовные процессы большого мира пронизывают его. В мире же есть реальные духовные силы добра и зла. Человек поставлен в средоточие их борьбы. Поэтому когда ему предлагается узнать о них, о духовных существах высшей и низшей природы, о политических и иных течениях в культурно-исторической жизни, превратившихся в инструмент враждебной человеку мировой сферы, то делается это не для того, что бы потешить его любопытство или потому, что так, якобы, хотят какие-то там теософы, оккультисты, антропософы - люди "со странными наклонностями".

Нет, сама эволюция мира осуществляется таким образом, что как только возникает существо, обладающее Я-сознанием, все от ношения для него меняются принципиально. *Из объекта оно становится субъектом сложных, порой крайне*

противоречивых мировых отношений, реальность которых основывается только на субъектной основе, будь то в мире чувственном или сверхчувственном. Поэтому человеку сознательному дается их познание. А если он о том знать не хочет, то тем самым он обрекает себя на роль страдальца истории, роль объекта социальных и иных, крайне опасных для него, экспериментов.

Такого не было в прошлом. В прошлом существовало групповое водительство, не препятствовавшее личности духовно возвышаться, перерастать границы действия группообразующих факторов (родовых, национальных, сословных). Ныне все это либо разрушено, либо активно разрушается, подменяется. Мы, правда, имеем тут дело с объективным процессом, который вызывает правомерно эмансипирующаяся личность. Самополагание во всех случаях жизни составляет ее главный признак. Однако процесс этот идет не ровно, а противоречиво. В развитии всегда что-то отстает. Оно-то и цепляется за все атавистическое в группообразующем принципе, вызывает закрепощение, подавление человеческого Я путем насаждения атавистических культов, ритуалов, темно-магических практик, на разный манер социализируя их, поскольку в эпоху души сознательной все отношения выходят на социальный план.

* * *

Рассказывая о том эксперименте в Парагвае, Рудольф Штайнер подчеркивает, что главное в нем состояло в стремлении иезуитов действовать непосредственно на астральное тело индейцев. Для того и потребовалось все пронизать культом, разумеется, псевдохристианским культом. Почему такой образ действий является недопустимым?

Человек кроме физического тела имеет чисто духовное, астральное тело, с помощью которого он, пока что бессознательно, связан со всем духовным космосом. Это астральное тело является базисом для всех душевных, психических проявлений человека; в нем образуются зачатки индивидуального мышления, опирающегося на опыт восприятий органов чувств. В астральном теле коренится много инстинктивного, но, будучи пронизанным силами Я-сознания, оно претерпевает катарсис и постепенно превращается в высшее Я и в Самодух (Манас), в которых человеку дано сознательно и даже в сверхчувственном опыте переживать свою связь с Богом.

Здоровое, естественное - соответствующее реалиям духа - религиозное воспитание имело и до сих пор имеет задачу помогать человеку работать над астральным телом. К религиозной работе должна присоединиться культурная, социальная, познавательная (научная) работа. И если бы дело шло в таком направлении без особых помех, то вся цивилизация должна была бы служить высшему развитию человека, быть во всем своем составе христианизированной.

Так могло бы быть, если бы правомерный двигатель земного развития: единство и борьба противоположностей - не искажался по человеческому произволу, не

превращался в некую пародию на законы развития. Возможным такое оказывается по причине засилья материализма, так как законы развития постижимы лишь с привлечением сверхчувственного опыта. Ибо даже главный видовой признак человека (*sapiens*) - духовен. Он дан лишь мыслящему сознанию, как и все другие определяющие существование и развитие природы законы. Осознавая свое главное, отличающее его от других царств природы свойство, человек приходит к самосознанию, а далее - к идее самоопределяющейся, автономно действующей личности, к идее свободы воли. Так через самосознание человек приходит к этике, к проблеме выбора между добром и злом, без чего свобода воли невозможна.

Через сложную иерархию обуславливающих начал: чисто органических, социальных, религиозных - проходит человек, прежде чем овладеет в себе самодостаточным Я, способным творить нравственность из себя. В этом состоит суть прогресса. Две главные его составляющие: движущий принцип и высшая цель - определены в Божественном откровении. О первой из них там сказано: "И познаете истину, и истина сделает вас свободными" (Ин. 8, 23); о второй Бог Нового Завета напоминает: "Не сказано ли в законе вашем: Я сказал: вы боги?" (Ин. 10, 34).

Итак, через познание - к свободе и к реализации высшего субъекта в себе, - таков путь человека, пролегающий (как об этом в полном созвучии со св. Писанием учит антропософски ориентированная Духовная наука) через положенную актом Божественного творения эволюцию видов, переходящую в индивидуальную душевно-духовную эволюцию, венчаемую духовным самосознанием и духовным ученичеством, самосозиданием. Обретая Я-сознание, а затем раскрывая его поистине безграничные потенции, человек реализует свое богоподобие, богоподобие в себе, которым он одарен изначально, в силу Божественного акта творения, и потенциально - как вид.

Самим характером пути человеческого развития обусловлено наличие в нем противоречия, рождающего противостояние добра и зла, а следовательно, и элемента страдания. Переход от обусловленности к самообусловленности неизбежно порождает на какое-то время состояние отъединенности от Бога, нарушение, так сказать, "завета с Богом". Но вслед за тем самообусловленность, как атрибут свободы, приводит не к чему иному, как к *высшему рождению*, к рождению Бога в индивидуальной человеческой душе.

Таким образом, противоречие между становящимся человеком и Богом разрешается диалектически - в высшем синтезе, суть которого выразил ап. Павел, говоря: "Не я, но Христос во мне". Теология пытается снять противоречие путем отрицания развития. Однако в таком случае элемент "не я" снимается до его возникновения, а вместе с тем снимается и смысл акта Божественного творения как перводвижателя.

В формуле ап. Павла выражен путь человека, идущий от тварности к ипостасности. То "Я", что зарождается с первой мыслью, осознанно пережитым чувством,

поступком, то есть в душе ощущающей, - оно эгоцентрической природы. В нем человек противопоставляет миру, вступает с ним в борьбу и может даже до богоотступничества, полагаясь во всем на природный порядок и не находя в нем оснований для этики. Но далее, уже в силу надприродной (в ее явлении для чувств) сути самого эгоцентрического "Я", человек начинает открывать в себе сверхприроду и, отрицая себя, но лишь как единичного, обусловленного если не внешними, то внутренними факторами (инстинкт, вожеление и т. д.), вновь обретает себя как субъекта в Я Божественном.

Таковы некоторые из существенных свойств эволюции, которую следует познавать только в ее чувственно-сверхчувственном единстве. Противоречия в ней, будучи разрешенными, рожают лишь более высокие состояния индивидуального духа. Или не рожают, если они становятся неразрешимыми по причине искажения действующих в них закономерностей. В таком случае начинается деградация человеческого духа, он вновь ввергается в различные групповые состояния, а это, в конечном счете, может привести к полному распаду Я-сознания, к космическому угасанию искры индивидуального духа, к "духовной смерти", что некоторыми безнадежно заблудившимися богословами проповедуется как путь "спасения".

* * *

Работая только с материалистическими понятиями, суть развития, суть того, в чем состоит прогресс рода человеческого, постичь невозможно. И возникает особое чувство тревоги, когда обнаруживаешь, что понять его суть невозможно и на путях теологии. Именно окончательный, безысходный кризис теологического мышления и отражает предлагаемая вниманию читателя книга. Она представляет собой апологию иезуитской идеи "пересоздания" человеческого рода - ввиду "несовершенства" Божественного плана творения - путем, скажем, даже не консервативной, а "рекреационистской" революции, главный принцип которой заключается во всемерном "упрощении", "понижении уровня" человеческого духа путем искусственного отбора.

Впервые идею эту, неизбежность ее появления при определенном извращении мыслящего сознания осознал Ф.М.Достоевский и в романе "Братья Карамазовы" описал ее в особой "Легенде о Великом Инквизиторе". Там, как мы помним, именно тупиковая утопичность теологического сознания приходит к своеобразному, как бы даже логически обусловленному отрицанию Христа: по причине безнадежной испорченности человеческого рода и неспособности его противостоять искушениям, на которые его обрек "недальновидный" Бог. "Слабое бунтующее племя - это они-то боги ли?" - так высокомерно и иронично формулирует Инквизитор свою антиномию, адресуя ее Христу.

Упрекая Христа в том, что Он, якобы, совершил ошибку, поманив людей "хлебом небесным". Инквизитор опирается на свою, земную, статистику, согласно которой за тем "хлебом" пойдут, может быть, тысячи, ну, пусть даже десятки тысяч. Но что

станет с остальными, с тысячами миллионов, которые не в силах "пренебречь хлебом земным для небесного"? И Инквизитор, строя свои умозаключения на одних лишь софизмах - а чем еще, кроме них, оперирует теология? - вопрошает далее Христа: "Иль Тебе дороги лишь десятки тысяч великих и сильных, а остальные миллионы, многочисленные, как песок морской, слабых, не любящих Тебя, должны лишь послужить материалом для великих и сильных?"

Противопоставляя Христу церковь, которую именно Великий Инквизитор и представляет, церковь "малых сих", он заявляет, что, якобы, только ей и есть до них дело, ибо тут имеет место некое "избирательное *сродство*" наизнанку: "Они порочны и бунтовщики, но под конец они-то и станут послушными. Они будут дивиться на нас и будут считать нас за богов за то, что мы, став во главе их, согласились выносить свободу и над ними господствовать - так ужасно им станет под конец быть свободными!"

Так высказывается некоего рода собирательный, итоговый образ, созданный Достоевским в результате осмысления потерявшей направление, блуждающей наугад христианской цивилизации. А вот что пишет по этому поводу русский биолог и антиутопист Мережковский в предисловии к своей книге, где он предлагает выход из мирового кризиса. Он утверждает, что его мысли - "глубоко продуманные и прочувствованные" и что, лишь изложив их, он впервые прочел "Братьев Карамазовых", после чего его охватил "какой-то мистический ужас", ибо в монологе Великого Инквизитора он встретил буквально то же самое, к чему пришел сам. А сам он пришел к мировоззрению, которому он дает название "терризм" (от terra - земля). Суть его сводится к тому, что священным долгом людей является "интересоваться и заниматься исключительно земными делами, предоставляя обитателям неба - если таковые есть - ведаться с делами небесными". Террист, как считает Мережковский, "старается перетащить небо на землю, то есть устроить рай на земле". Ибо "царству духа не место на земле".

- Но, - возразит иной читатель, - причем тут теология? Это же просто вульгарный материализм!

Ну, как сказать! У Мережковского на этот счет имеется свой ответ. Он вполне определенно и решительно пишет:

"Терризм не следует однако смешивать с так называемым "грубым" материализмом. Материалист, как "грубый", так и не грубый, конечно, естественный террист, ибо он неба не признает; но терристом можно быть, будучи в то же время и теистом, и пантеистом, и буддистом или теософом (или правоверным христианином, например католиком, - добавим мы от себя)... можно верить и в бесчисленный ряд перевоплощений, и в то же время желать, чтобы на земле был рай", царство "безоблачной радости", чтобы и после смерти люди "явились не с истерзанной от страданий душой, а с улыбкой на устах, существами чистыми, невинными, наивными".

Мережковский не уточняет, куда "явились" бы они, и делает это не по оплошности, а намеренно, поскольку, чтобы быть "естественным" последователем терризма, хорошо быть просто скептиком, допуская возможность всяких религиозных и метафизических учений".

Оценим по достоинству эту идеологию Мережковского, ибо именно на таком "скептицизме" сошлись в конце концов полюбовно и материалист, и теолог, и "новый" русский большевик, и священник, и член тайного общества, и политик, и ученый. Все они в едином, так сказать, порыве "скептицизма" подвели человечество к порогу XXI века с мечтой обрести единство именно в терризме.

* * *

Однако перводвигатель такого процесса следует все же искать в теологии. Начать хотя бы с того, что на Вселенском соборе 869 г. было разрушено представление о трихотомии человеческого существа. Тогда было догматически (те есть без всякого обоснования, произвольно) постановлено, что человек состоит лишь из тела и души. По этому поводу Рудольф Штайнер замечает, что К.Маркс был лишь логически последователен, действовал в духе того собора, когда тысячу лет спустя упразднил и душу; то есть стал терристом.

"Эти вещи, - говорит Рудольф Штайнер, - связаны более глубоко, чем обычно замечают, рассматривая их поверхностно. Ибо то, что Маркс и Энгельс являются отцами церкви, - это сегодня хотят признавать лишь немногие; но это еще и не особенно глубокая истина" (лекция от 27.III.1917; ИПН. 175).² К глубокой истине мы придем, зная, что уже во времена Пришествия Христа как в Риме, так и в Палестине (среди саддукеев) царил страх перед духовным человеком по причине начавшегося порабощения цивилизации материализмом - духом материи и материализма, Ариманом. Уже тогда делалось все возможное (например, война Рима с Палестиной), чтобы искоренить древнее мистериальное знание о "пневматическом", то есть духовном, человеке. Впоследствии оно стало опасным и для тех, кто "из Рима, из романского христианства захотел упразднить дух. Это стало опасным для них, поскольку еще существовали многие, кто из древних (эзотерических) школ Палестины знал кое-что о пути к духу и мог свидетельствовать о том, что человек состоит из тела, души и духа". Такие люди мешали основать внешний строй, исключаящий спиритуальные импульсы. С другой стороны, "инстинктивно чувствовали, что в том, что должно развиваться из римского государства, не должно содержаться духа. Церковь и римское государство вступили в брак..." (Ibid.).

Со временем, с наступлением современной эпохи, эпохи души сознательной (XV в.), переживавшееся прежде полуосознанно-полуинстинктивно целиком вошло в сознание, и тогда в лоне римского католицизма возник орден иезуитов, поведший сознательную борьбу с личностью, против развития души сознательной, приводящей человека в соприкосновение со сверхчувственными мирами, с

Самодухом, с высшим Я. "Пробуждаясь в душе сознательной, - говорит Рудольф Штайнер в другой лекции, - люди, прежде всего, чувствуют себя в теле, душе и духе, а это-то и стремятся усыпить", чтобы ничто не мешало господству над людьми (лекция от 19.X.1918;ИПН. 185).

Таким образом, на протяжении вот уже двух тысячелетий, и даже больше, человечество имеет дело с неюего рода контр-цивилизацией, которая, все шире и основательнее укореняясь в институте власти, во всех без исключения конфессиональных и социальных институтах, в культуре, движется одним не прекращающимся стремлением: всеми силами воспрепятствовать эмансипации личности. Таково оно в реальности - царство "князя мира сего". Великого Инквизитора и террриста. В борьбе с крепнущей несмотря ни на что индивидуальностью ему приходится прибегать ко все усложняющимся ухищрениям. С определенного момента, а именно с 1610 г., он поставил свое дело на научную основу, начал прибегать к социальному и иному экспериментированию.

Мережковский рассказывает о некоем тайном обществе, поставившем себе цель остановить всякое развитие человека. Оно задумало для начала хотя бы (как говорили большевики) "в отдельно взятой стране" избавить человека путем искусственного отбора от "опасности" стать когда-либо личностью. "Были страны, - пишет наш биолог, - где вся власть, все правительство находилось всецело в руках членов этого общества". - Мотив, заметим от себя, вовсе не утопический. - И вот, решили члены того общества купить "государство Конго у Латинского союза, которому оно тогда принадлежало", и стали они там "открыто производить опыты искусственного подбора людей", чтобы таким способом вырастить на земле подрастающую добрую расу. Евгеническим опытам тайного общества воспротивились представители англосаксонской расы, которые, в силу расово присущей им алчности и эгоизма, устроили в Конго погром. "Но идея обновления... не погибла... она делала даже успехи"³.

Так пишет Мережковский в самой "Сказке", а в пространных философских дополнениях к ней он открыто признается, что в действительности имеет в виду не Конго, а Парагвай; "тайное же общество", открывшее рецепт принудительного ввержения человечества в инфантильное счастье, - это орден иезуитов, "иезуитское общество... небольшая кучка смелых и отборно умных людей". Это они задались "когда-то грандиозной задачей завоевать все человечество, забрать его бесконтрольно в свои руки от первого до последнего, с целью повести его в рай земной - и между прочим, и в небесный... В течение более столетия - в Парагвае, они вполне достигли своей цели". В чем состояла та цель и какими методами они ее достигали, мы уже говорили выше. Но послушаем еще Мережковского. Он пишет: "Иезуиты в своем парагвайском царстве уничтожили все фетиши современных людей, уничтожили всякую свободу, всякое просвещение, всякий прогресс, заменив все одним и только одним - счастьем".

- Какой ужас! Какая бессмыслица! - возможно, воскликнет иной гуманистически, демократически и прогрессивно настроенный читатель, забыв начисто о том, что одним из лозунгов большевиков в России, после захвата ими власти, был: "Загоним человечество железной рукой в счастье!" О лозунге том знали такие гуманисты, как Ромен Роллан, Мартин Андерсеи-Нексе, Лион Фейхтвангер, и ничего ужасного в нем не находили.

Однако он действительно ужасен, особенно своей совершение своеобразной логикой, логикой Великого Инквизитора, "князя мира сего", который, искушая Христа в пустыне, предлагал Ему камни превратить в хлеб. Но поскольку сделать этого было нельзя - человек должен на земле трудиться и "в поте лица" добывать "хлеб насущный", - то "князь" в течение двух тысяч лет возвел на этом основании свою доктрину бытия; и теперь, в начале XXI в., создается впечатление, что он совсем уже не далек от ее практического осуществления.

Насколько доктрина эта сильна, можно судить по самому Мережковскому, который, будучи русским интеллигентом XIX века, восклицает: "Ах! умные, прозорливые были люди эти - иезуиты". Но он готов пойти еще дальше их и с немалой прозорливостью, еще до мировых войн и "социалистического эксперимента", пишет: "Если бы они могли смотреть на вещи не много шире, не задумываясь отдал бы я себя в их руки: берите, дескать, и ведите меня прямо к счастью". В чем видит он у них недостаток "широты"? "Их прежнее орудие, - продолжает он, - религиозное чувство и предрассудки, не может при изменившихся условиях быть более действительным... оно затупилось и должно быть заменено новым, более действительным и более непосредственным".

Странные, обескураживающие слова, когда читаешь их в конце века. Однако пережить их реальное значение дано было и Мережковскому - ведь он умер в 1921 г. Впрочем, люди такого типа - как инопланетяне, им чуждо все человеческое. Ведь не раскаялся в содеянном ни один член Временного правительства, возникшего в России после февральской революции 1917 г. и сознательно передавшего власть большевикам - Ленину, Троцкому и "товарищам", прибегшим, без "предрассудков", к самому "непосредственному" орудью: к террору, массовым убийствам всех, кто был не "прост" и не "наивен".

Прозорливцем был Мережковский и тогда, когда писал, что иезуитам, чтобы действовать эффективнее, следовало бы "организовать в своей среде особое тайное общество, тайное даже для самих своих собратьев иезуитов, силами, средствами и влиянием которых оно бы пользовалось для осуществления великой утопии - земного рая". Четверть века спустя, после выхода в свет "Сказки-утопии" Мережковского, в лоне католицизма был создан загадочный Opus Dei. Не беремся судить, является ли он лишь паллиативом того, что имел в виду Мережковский, или это и есть "орден в ордене". Может быть, имеется и что-то другое. Даже наверняка имеется. Взять хотя бы высокие градусы в масонских ложах - сплошь занятые иезуитами. В таком случае на "благо миру" идут и "средства" "алчных" англосаксов.

* * *

Прозорливость Мережковского, кроме восхищения, заслуживает также и того, чтобы ее рассмотреть особенно пристально. В то время, когда наблюдал, размышлял и писал Мережковский, в последней трети XIX - начале XX в., на поверхности общественной жизни стали появляться произведения совершенно особого жанра. Будучи утопиями по форме, они были призваны производить впечатление подлинных документов; в некоторых случаях их совершенно своеобразная, особая "подлинность" оказалась подтвержденной ходом исторического процесса. Со временем также выяснилось, что и задачу тех "документов" входило будоражить общественное мнение, обострять социальные, политические, национальные и иные противоречия и тем создавать благоприятную почву для достижения тех бесконечно вредных человечеству целей, о которых у нас уже шла речь.

К таким "утопиям-документам" относятся "Завет Петра Великого". "Протоколы сионских мудрецов", известная теперь многим политическая карта Европы, какой она стала в 1918 г., опубликованная в 1890 г. в английской газете "Truth". Составлены те "документы" были с глубоким знанием психологии народов, закулисной политики, старых и новых мировых противоречий, наконец - метаисторического процесса.

Когда они появлялись, эти "документы", их либо не замечали, либо внимание к ним направлялось в ложное русло, как это случилось, например, с "Протоколами сионских мудрецов". Но шли годы, Европа, а с нею и остальной мир переходили от одного катаклизма к другому. И постепенно отношение к тем "документам" стало меняться. Хотя от истинного понимания их смысла и назначения люди, в массе своей, ныне находятся так же далеко, как и в начале столетия.

Дело в том, что политическая картина нашего мира стала необычайно сложной, а главное - она приобрела оккультно-политический характер, чего, видимо, уже генетически не дано постичь укоренившемуся в течение столетий в материалистических представлениях человеческому сознанию. Но в задачу нашего предисловия не входит разработка этого вопроса. Укажем лишь, что заинтересованный читатель найдет необыкновенно много полезного для себя в большом числе лекций Рудольфа Штайнера, в которых он учит понимать историческую симптоматику.

Мы коснулись этой проблемы потому, что "Сказка-утопия" Мережковского относится к жанру именно таких "документов", в силу чего к ней следует отнести как к очень серьезному предостережению. Она написана в стиле старых утопий - автор мечтает вслух об идеальном социальном строе. Результаты его "мечтаний" перерастают в ужаснейшую антиутопию. И, наконец, создается впечатление, что автор не столько "мечтает", сколько *знает наперед*, к чему поведут дело в мире определенные, обладающие огромной властью группировки.

Теперь, когда XX век остался позади, нельзя не поразиться точности знания Мережковским уже в начале века о том, как он сложится, какие противоречия в нем обострятся особенно, какие процессы вызовут кризис цивилизации.

В "Сказке" один из водителей будущего, уже "избавленного" от страданий, человечества говорит попавшему во сне в тот райский мир автору: "Ваш век носил печать неопределенности; это была какая-то странная смесь науки и слепой веры, промышленных изобретений и милитаризма, капитализма и социализма, подъема национального духа и развития космополитизма. В нравственном же смысле это был более всего век искания истины".

Уже к середине века, рассказывает далее "наставник", как об уже давно прошедшем, "среднее образование во многих странах стало обязательным для всех граждан, и простые рабочие, извозчики, землекопы были нередко докторами философии и права". Равенство в образовании повлекло за собой желание социального равенства, и социалистические учения стали господствующими. Страны начали переходить к социалистическому государственному устройству. Правда, кое-где, например в Германии, этому воспротивились, и дело не обошлось без кровопролитий. (И даже очень больших кровопролитий, можем добавить мы теперь, ибо именно потому, что немцы решительно отвергли большевистский социализм, им был привит национал-социализм.)

Источником всех бед был эгоизм, сопровождающий эмансипацию личности. Особенно много его развилось в англосаксонской расе, и она стала господствующей. Но чтобы удержать власть, потребовалось развивать аппарат насилия. Постепенно власть развратила тех, кто ею обладал, и "вскоре не осталось и камня на камне от социалистического устройства" (*тут мы явно имеем 90-е годы*), общество вновь стало поразительно напоминать конец XIX века. "Право сильного мало-помалу так понравилось сильным, что они, не сдерживаемые теперь никакими кумирами, разбитыми и поверженными в прах, стали забывать все законы не только божеские, давно уже забытые, но и человеческие".

Читающий хотя бы изредка газеты и хотя бы немного посматривающий по сторонам, тут, видимо, откроет рот от изумления. И не только в России. Ибо по принципам постсоветского криминального истеблишмента начинают все больше вести себя и НАТО и даже ООН⁴ Однако Мережковский идет еще дальше. Он предрекает парасихологический бум. Многие, окунувшиеся теперь в него, понятия не имеют о том, к чему он ведет, а Мережковский - имеет. Он ведет лишь к *укреплению материалистического мировоззрения*, - так пишет он в 1903 г.

В конце концов, повествуется далее в антиутопии, после бесконечных брожений, борьбы, страданий люди пришли к тому, что жизнь их потекла "без цели, без веры и упования, без надежды выбраться на какой-нибудь путь". Люди поняли, что все они стоят перед неизбежной гибелью. "Смешались все понятия, ненависть воцарилась, люди стали зверьми... Но никакого трубного звука не раздалось, слышны были только стоны отчаяния и проклятия людей".

Тогда-то, пишет Мережковский, и возник "практический проект остановить прогресс в человечестве": "мощной рукой остановить человечество в его безумном бешеном беге вперед, уничтожить его безболезненным путем", а из остатков, тщательно подобранных особей воссоздать "на основании законов наследственности и путем искусственного подбора новую детскую расу людей", руководимую малочисленной кастой "обновителей", то есть иезуитов, надо понимать⁵.

Мережковский, как и его "обновители", понимает, что на такой "эксперимент" человечество добровольно не пойдет. Поэтому заговор и только заговор "спасет" его. Мережковский, правда, ни слова не говорит о том, что заговоров в мире не один, а больше, что и господство англосаксонской расы зиждится на заговоре "тайных обществ", которые помогают "обновителям" путем перенапряжения другой крайности: ибо это именно они доводят до абсурда эволюционно обусловленную эмансипацию личности, свободу подменяют произволом, нравственную автономию - автономией безнравственности, свободу мнений - свободой от мнений и т. д.

Так ведется охота на человека в наш век - словно на дикого зверя. С двух сторон работают "загонщики", а с третьей - его как раз и поджидает "рай", куда он должен впрыгнуть сам, обезумев от улюлюканья "загонщиков", - под "пули", несущие ему не только физическую, но и душевную смерть.

* * *

Наш век богат антиутопиями. Кроме упомянутых нами англоязычных авторов значительный вклад здесь сделали и русские писатели: Замятин ("Мы"), Набоков ("Приглашение на казнь"). Из новых мож но назвать Г.Климова с его "Протоколами советских мудрецов". Тут интересно заметить, что и "Протоколы сионских мудрецов" были сна чала подсунуты русским и опубликованы на русском языке. Наконец, и осуществлена была первая страшная антиутопия - в России. Ее описал Александр Солженицын в "Архипелаге ГУЛАГ".

Какое место в этом ряду занимает антиутопия Мережковского?

Мы склонны думать - одно из ведущих. Несмотря на незамысловатую, на первый взгляд, фабулу, в ней описано, поистине, "окончательное" решение проблемы человечества, какого не смогли предвидеть, выразить авторы других антиутопий. И Орвелл, и Замятин, и Набоков, и Кафка впечатляюще описали формы борьбы с человеческим Я, но не решились сказать о том, что она может окончиться полной над ним победой. И вот об этом, еще до наступления "великих" социально-экономических, социально-психологических и евгенических экспериментов, поведал миру Мережковский: поведал просто, убедительно, а главное - сочувственно!

Гарантией ненадуманности идей загадочного русского биолога и мыслителя является их уже осуществившаяся часть. Похоже, мы имеем тут дело не столько с фантазией и интуицией, сколько с переданными в романтической форме сказки реальными планами типа тех, что были изложены в "Завете Петра Великого", показаны на той карте Европы, но значительно более грандиозными. То есть мы имеем тут дело с осуществляющимся мировым планом, в котором предусмотрена фальсификация самих законов природы, заложено посягательство на сам Божественный строй мира. По этой причине "Сказка-утопия" Мережковского имеет метафизический подтекст.

Да, истинная картина мировых процессов носит оккультно-политический характер, что с необыкновенной глубиной вскрыл Рудольф Штайнер. Поэтому *de facto* одна лишь Антропософия позволяет с достаточной глубиной постичь смысл антиутопий, которые в таком случае превращаются в серьезные предостережения, посчитавшись с которыми, можно многое повернуть к лучшему.

Земной путь человека сопряжен с опасностями. И они не исчерпываются лишь земными, посюсторонними заговорами. За "шумами" в головах людей стоят совершенно реальные духовные существа: люциферические, ариманические и азурические. Все они, не смотря на их принципиальные различия, хотят одного: помешать человеку овладеть автономным Я, вернуть его к групповой форме сознания и так превратить в инструмент для достижения своих, вредных человеческой мировой сфере, целей.

Однако и на стороне человека стоит немало - Бог и существа Божественных Иерархий. Об их существовании знают враги свободной личности. Вот почему в "Сказке-утопии" Мережковского один из касты "благодетелей" человечества, предки которого уже на протяжении нескольких столетий не встречали объекта для негодования и злости, вскакивает словно ужаленный, со всей непосредственностью злобствующего, "испорченного" прогрессом человека XX века, "весь дрожа, с бледным искаженным лицом", как только речь заходит о Боге. У стоящих за его спиной метафизических патронов планы не кончаются на том, чтобы, доведя до абсурда заблуждения рассудка, просто посмеяться над человечеством. Их планы столь же универсальны и всеобъемлющи, как и божественные. Вот почему дьявольски хитрый и изворотливый софист-"покровитель" заявляет в конце концов: "Превратив людей в детей, "ибо их есть царство небесное", как сказал ваш учитель, мы не позволим лишить их радости и в мире ином, если такой существует", -такую оговорку он делает постоянно, верный принципу "скептического терризма". - "И мы готовы, - продолжает он, - при нять меры и там", то есть и с Богом и с Божественными Иерархиями вступить в борьбу. А такая борьба возможна - как правильно понимает супостат, - если ему удастся овладеть человеком - творением Божиим. В таком случае даже неизбежно борьба за "понижение уровня духа" должна простереться и в небесные сферы.

Почти сто лет минуло с тех пор, как в Берлине сразу на двух языках вышла в свет "Сказка-утопия" К.С.Мережковского. Мы не знаем, сколь широкий интерес

привлекла она к себе. Скорее всего, он был не широким. Ее с интересом прочли те, кто уже тогда знал, зачем пишутся подобные вещи; другие если и прочли ее, то сочли за курьез. Иное дело мы - люди начала XXI века, умудренные опытом невыразимых страданий, на которые обрекли человечество безумные экспериментаторы, "обновители". И если страдание действительно углубляет человеческий дух, то осмысление того опыта должно теперь стать естественной человеческой потребностью, проистекающей из острого желания страданиям таким положить конец, но за счет не понижения, а усложнения и возвышения человеческого духа, дав жизни осмысленное духовное содержание.

* * *

Лишь в дальнейшем усложнении человеческого духа видел Ру дольф Штайнер выход современной цивилизации из кризиса. Это усложнение обусловлено ростом самосознания и самоопределения

личности. Несомненно, процесс этот не прост и сопряжен с риском, но это есть одновременно эволюционный и культурно-исторический процесс. Начиная с XX века оба они, как никогда прежде (это исчерпывающим образом раскрыто в Антропософии) сливаются в неразрывное единство, которым человек может управлять во благо себе и всему человечеству, развивая истинное человеко- и природопознание.

"Через социальную структуру, - говорит Рудольф Штайнер, - могут быть определенным образом обузданы антисоциальные инстинкты, действующие в человеке благодаря тому, что он вырабатывает представления. Последнее должно иметь противовес, должно быть каким-то образом приведено в равновесие... благодаря тому, что пришедшее из предыдущих эпох - тогда оно было правомерным - порабощение мыслей, господство одних над мыслями других будет через *возрастающую социализацию* устранено из мира. Поэтому в будущем наравне с организацией хозяйственных и экономических отношений должна осуществляться свобод ная духовная жизнь. Лишь свобода духовной жизни (не "демократизация" ее, что есть лишь иная форма порабощения. - Авт.) способна сделать то, что мы действительно станем относиться друг к другу так, что будем видеть один в другом конкретного человека, а не человека вообще. ...Человека вообще, абстрактного человека не существует нигде. ... социализация немыслима без свобода мысли". (6.ХП.1918 г. ИПН 186)

Рудольф Штайнер, исходя из познания именно чувственно- сверхчувственной природы развития мира и человека, показал острейшую необходимость в наше время дифференцировать социальную структуру общества на три автономные, суверенные части. Ими должны стать: государственно-правовая сфера, народно-хозяйственная и финансовая и, наконец, духовная и культурная жизнь общества.

В соответствие с реалиями современной России тут следовало бы говорить не о "параде суверенитетов", а об учреждении трех соответствующих дум (составленных из соответствующих специалистов, активно участвующих в практической жизни, постоянно черпающих из нее опыт), не подчиненных одна другой, а взаимодействующих и корректирующих одна другую, сотрудничающих как бы на федеративной основе.

Такая дифференциация социальной структуры: 1) упразднила бы соблазн тоталитарной власти, сильно редуцировала бы "селекцию" худших в аппарат управления, то есть стала бы уберегать человека от его собственной низшей природы; 2) она действительно открыла бы широкие врата для самореализации человека, обусловленной его дарованиями и мерой его труда; 3) она создала бы реальные условия для *каждого отдельного человека* реализовать себя в *триединой совокупности* правовых, трудовых и духовных потребностей.

В настоящее время стало анахронизмом делить людей на классы, сословия, по профессиональной принадлежности и т.д. Разделить необходимо социальную структуру, а ее единство станет осуществляться каждым отдельным человеком, реализующим себя как гражданина, имеющего *равные* права с другими, как работника, производителя материальных и духовных благ на основе чувства *братской* близости и взаимопомощи в процессе труда, как автономную, духовно (а не политически) *свободную* личность со своими неповторимыми эстетическими и духовными запросами.

Есть у социальной трехчленности и ряд других, крайне необходимых для нашего времени, оздоравливающих жизнь особенностей, но в задачу нашей вводной статьи не входит подробное их освещение. Мы лишь хотели показать, что антиутопии К.С.Мережковского имеется позитивная альтернатива, соответствующая эволюции человека социального и духовного, утверждающая его достоинство как творения Божия и как предназначенного к свободе духа.

Примечания:

1. "Сказка" была издана в 1903 г. в Берлине сразу на двух языках - русском и немецком. Ее автор, Константин Сергеевич Мережковский (1835-1921), брат знаменитого писателя Дмитрия Сергеевича Мережковского, был по профессии биолог, в науке его причисляют к основоположникам симбиогенеза.

2. Сочинения, лекции Р.Штайнера цитируются по изданию полного наследия (ИПН).

3. В том числе, заметим, и в англосаксонском мире. Ибо в Лондоне в 1912 г. была inaugurирована новая наука - евгеника. Р.Штайнер характеризует ее как плод

"шумов" в головах освободившихся от души людей. См. лек. от 7.X. 1917 (ИПН. 177).

[4.](#) Это было написано нами в 1996 г. После войны в Югославии в 1999 г. тут стало совсем нечего доказывать.

[5.](#) События развиваются столь стремительно, что в 2001 г. нам тут уже не обойтись без дополнений, корректировок. Вот фрагменты из лекции проф. университета Бар-Илиан в Израиле Элиезера Воронец-Дальцевича: "Мы (евреи) несем мир, резвый и шаловливый, как младенца, за своим левым плечом, но он тяжел, и эту тяжесть ощущаем мы и только мы. ...Они признали даже, что их 20 веков были попросту большой ошибкой... Единственное, о чем мы сегодня должны молиться, - что бы враги наши меньше мучились в день окончательной победы Народа Г-дня. Аминь". 14 июля 1999 г., Иерусалим. (См. газ. "Завтра", № 34, 1999).

(Цитируемые автором источники берутся им чисто информативно, в ключе свободы познания.)